

Это повествование берет свое начало в ту пору, когда на севере Швеции еще паслись последние дикие северные олени и вольно текли реки. Шел на нерест лосось, сосны тянулись к низкому небу, а воды струились, как со времен Сотворения мира.

Здесь-то и обосновались переселенцы.

Они срубили себе дома по обе стороны залива Лонгвикен — узкой ложбины к западу от реки Лулеэльв, глубоко врезавшейся в материк севернее Стентрэска.

Искрящийся мир — прекрасный своей особой красотой, суровый, как промерзлая земля.

Гора, возвышавшаяся над ними, — не слишком высокая и не слишком плоская, — тянулась между небом, рекой и болотом. На местном диалекте саамского языка ее название состояло из двух слов: «dálkke» и «várge»: «гора» и «ненастье». По-шведски она называлась Стормбергет¹.

Это место и вправду нельзя было назвать гостеприимным. Среди хвойных лесов и голых вершин россыпи камней и карликовые березки спотыкались о горные ручьи

¹ Stormberget (шв.) — буквально «штормовая гора».

и частично выветрившиеся обрывы, образуя труднопроходимый ландшафт.

Обе семьи утверждали, что они обосновались здесь первыми. Лонгстрёмы пришли с востока, с рудников, этикие работяги-шахтеры. Стормберги, использовавшие фамилию как доказательство в свою пользу, были с побережья. Ссылаясь на своих предков, купцов и сборщиков налогов, представителей королевской власти в этих краях, они настаивали на своем первенстве — аргументы их, возможно, и основывались на исторической правде, но в данном случае не имели значения. По крайней мере, так рассуждали Лонгстрёмы.

Более ста лет просуществовала деревня Лонгвикен со своими жилыми домами и пристройками, хлевами и амбарами, распрями, браками и родами.

Никто из обитателей Лонгвикена не осознавал, как изолированно они жили, пока не проложили дорогу.

А когда государственная компания «Ваттенфаль» решила в двух километрах ниже по течению построить крупнейшую гидроэлектростанцию в Европе, оказалось, что дни деревни сочтены. Даже вершины сосен уйдут под воду. Ради энергетического будущего Швеции деревню Лонгвикен придется затопить.

Именно там и берет начало наше повествование — до того, как произошли убийства и ограбление в Калтисе, до того, как сгустились тайны и ложь длиной в целую жизнь. Как бродят тени на дне запруды, так и эта история выросла из осадка, оставшегося от прошлых событий.

СТЕНТРЭСК, КАНУН МИДСОММАРА 2021 ГОДА

Пропавшая жена Викинга Стормберга всплыла из болота Кальмюрен во время исполнения песенки про лягушечек. Вернее, уточним: именно тогда пришло известие.

Ее нашел собиратель ягод. Она лежала недалеко от того места, где провалилась в трясину в конце лета ровно тридцатую годами ранее — у северо-западной оконечности болота.

Новость пронеслась волной среди людей, собравшихся вокруг украшенного венками шеста на лугу, а духовой оркестр замолк, прервав песню на полуслове.

Викинг, только что похоронивший маму и прошедший адское лечение рака, воспринял известие со спокойным скепсисом. Наученный горьким опытом, он спросил:

— Это точно человек, а не лось или что-нибудь еще?

Коллега Роланд Ларссон прищурился в сторону горы Стормбергет.

— Судя по всему, там череп.

— Я поеду следом за вами, — сказал Викинг.

Он только что пришел на праздник. Формально шеф местной полиции все еще находился на больничном, то есть не при исполнении служебных обязанностей.

Несколько бывших сослуживиц мамы Карин подошли к нему выразить соболезнование. Поначалу он подумал, что речь идет о только что обнаруженном теле жены, но они имели в виду Карин. В свое время его мать была заместителем начальника социального отдела муниципалитета. За несколько дней до первой прививки от ковида она заразилась вирусом и умерла. Неуклюже поблагодарив, Викинг представил им Алису, свою новую подругу.

— А теперь и Хелену наконец нашли, — сказал какой-то мужчина, блестящими глазами разглядывая Алису. — Какое облегчение, должно быть, — наконец попрощаться.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — шепнула Алиса, когда они остались одни. — Мне уехать обратно в Лулео?

— Нет, — ответил Викинг. — Поезжай домой, в нашу квартиру.

— Уверен? Люди не сочтут это странным?

Он вопросительно уставился на нее.

— Ну что я буду сидеть одна в твоей квартире. Может быть, ты должен оплакать жену в одиночестве?

— Тогда пусть звонят куда надо и жалуются.

Алиса ушла, не оборачиваясь.

Викинг направился к парковке за полицейским участком, отпер дверь своей «Вольво» и залез внутрь. Сидел и смотрел на облака, стремительно летевшие по небу за башенкой церкви. Похоже, будет дождь. Во рту у него пересохло — побочный эффект облучения, слюнные железы выжжены. Ему рекомендовали жевательную резинку — ее он терпеть не мог.

Сидел и ломал голову, кто же это мог всплыть.

Глядя в зеркало заднего вида, отметил, как коллеги вышли на парковку и сели в патрульную машину. Нажал на кнопку на панели, запустив двигатель.

В одном он был уверен на сто процентов: там, на болоте, лежит не Хелена.

Вслед за патрульной машиной он выехал на трассу 374, мимо Полберга и далее на территорию ракетной базы. Ехал по извилистым лесным дорожкам, начисто лишенным всяких обозначений. Наконец припарковался на площадке рядом с выцветшей табличкой из прошлого:

SKYDD SOMRÅDE
Tillträde förbjudet för utlänningar
RESTRICTED AREA
Entry prohibited for aliens
SPERRGEBIET
Zutritt für Ausländer verboten
ZONE PROHIBEE
Accés interdit aux étrangers
SUOJA-ALUE
Pääsy ulkomalaisilta kielletty
ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА
Доступ иностранцам воспрещен

«Сборщик ягод» оказался мужчиной за сорок с большой бородой и биноклем на животе. Он поднял руку в качестве

приветствия, представился Людвигом. Роланд Ларссон записал его личные данные.

— Так, скажи мне, Людвиг, — начал Викинг, — какие это ягоды ты собираешь на болоте в июне-месяце?

С неуверенной улыбкой Людвиг показал содержимое кармана куртки. Там лежали птичьи яйца.

— Овсянка-ремез, — ответил он. — Редкая птица, но не под угрозой уничтожения. Так что я не совершил никакого преступления.

Викинг посмотрел на крошечные яйца — белые с коричневыми крапинками.

— Овсянка высиживает птенцов в мае, — сказал он. — Это пеночка.

Похититель яиц, явно довольно неопытный, выглядел совершенно убитым. Пеночка-весничка — самая распространенная в Швеции птица.

— Ты можешь показать нам место находки? — спросила Фатима Аль-Азиз, стажер из Рэттвика, которая по окончании стажировки осталась работать в участке.

Аккуратно ступая, они гуськом вышли на болото — похититель яиц первым, Викинг замыкающим. Идти было недалеко, менее ста метров.

— Сквозь труп что-то проросло, — сказал похититель яиц, указывая рукой.

Да, перед ними явно лежал человек, вернее, человеческие останки: череп и грудная клетка, ноги и руки. Тело плавало в черной воде в шаге от полосы кочек, окруженное скромной болотной растительностью. Вереск, шейхцерия

болотная, кустики клюквы, а в зарослях багульника Викинг заметил остатки птичьего гнезда.

Зачем взрослому мужчине горсть яиц пеночки?

— Спасибо, — сказал Роланд Ларссон похитителю яиц. — Мы заберем его отсюда. Вы можете ехать домой.

Мужчина не сделал ни малейшей попытки сдвинуться с места — стоял, с любопытством уставившись на останки.

— Мы просим вас уйти, прямо сейчас, — сказала Фатима Аль-Азиз, указывая рукой в сторону площадки, где стояли машины.

Похититель яиц что-то пробурчал себе под нос и поплелся прочь.

— Скелет действительно может всплыть? — вполголоса спросила Фатима.

— Закон Архимеда, — ответил Роланд Ларссон. — Зависит от плотности воды. Яйцо в воде тонет, но если добавить соды, то оно всплывет. Если в болотной воде достаточно грязи, всплывет все что угодно.

Вооружившись складной линейкой, он присел рядом с останками.

— Метр восемьдесят, — проговорил он, складывая инструмент. — Какого роста была Хелена?

— Метр шестьдесят восемь, — ответил Викинг.

— Метр восемьдесят — среднестатистический рост шведского мужчины, — сказала Фатима. — Но женщин такого роста немного.

Стало быть, велика вероятность, что перед ними мужчина.

— Что это торчит из грудной клетки? — спросил Викинг, подошел ближе и встал рядом с коллегой.

Скелет потемнел, зарос мхом и водорослями. Надежно скрепленный мощными сухожилиями, он казался сохранным — за исключением нескольких пальцев на руках и ногах и отверстия в левой части грудной клетки. Некоторых ребер не хватало. Рядом с позвоночником торчал гнилой ствол дерева — или какой-то деревянный предмет.

— Палка? — предположила Фатима Аль-Азиз. — Или дерево? Проросло сквозь труп?

— Скорее кол, — сказал Роланд Ларссон. — Похоже, изначально он был намного толще.

Некоторое время они стояли в ряд, разглядывая тело — поросшие мхом глазницы, костяшки пальцев ног, указывающие в небо. Потом Роланд Ларссон натянул перчатку, снова присел на корточки и потянулся к деревяшке, торчавшей из мертвого тела. Правая нога соскользнула, он плюхнулся в воду. Викинг и Фатима схватили его за обе руки и вытащили на твердую почву — он промок по грудь. Скелет тихо покачивался на волнах. В руке у Роланда остались деревянные щепки. Они рассыпались у него в пальцах. Он оглядел лежавший в воде труп.

— В груди у него был воткнут кол, — сказал Роланд. — Этот кол и удерживал его под водой.

Они уставились на отверстие, где когда-то было сердце.

— Теперь кол сгнил и тело всплыло, — добавил Викинг.

Ветер крепчал, рвал пушицу, гнул кривые сосны. Небо потемнело.

— Вбит в землю колом, как вампир, — проговорила Фатима. — Средневековье?

— Может быть, — ответил Викинг. — Но сомнительно. Здесь очень влажно, скорее озеро, чем болото. Деревянный кол не продержался бы в воде несколько сотен лет. Мужик всплыл бы гораздо раньше.

На головы им упали первые капли дождя, тяжелые и теплые.

— Надо поставить ограждение и постараться достать его целиком, если это возможно, — сказал Роланд. — А мне надо переодеться в сухое. Как у тебя, Викинг, когда заканчивается твой больничный?

Викинг поднял лицо вверх, подставив его дождю.

— Может статься, что никогда, — ответил он.

Дождь усилился, но, по крайней мере, не стемнело окончательно. В канун мидсоммара в Стентрэске дневной свет обычно серел ближе к полуночи, но сумерки так и не наступали. Солнце не пряталось за горизонт. Отдохнув пару часов на гребне гор, оно снова медленно вскарабкивалось на небо. Не поднимаясь особо высоко, проползало по широкой дуге по всему горизонту и снова возвращалось на вершины гор.

По дороге в Стентрэск Викинг включил радио в машине. Молодые голоса смеялись, обсуждая подкасты, бойфрендов и утреннюю радиопрограмму, он выключил. По-прежнему лил дождь, с колес летела грязная вода, один

из дворников скрипел. Некоторое время Викинг размышлял, не положить ли в рот жвачку, но не стал.

Припарковавшись у дома на Кварндаммсвеген, он достал телефон и обнаружил несколько сообщений от администратора участка. Звонили с радио и из местных газет, просили комментариев. Ничего удивительного. После ограбления в Калтисе исчезновение Хелены было самым громким и загадочным событием в жизни города.

Он написал в ответ сообщение, что ему нечего сказать.

Поднялся в квартиру на третьем этаже, которая когда-то принадлежала им обоим — ему и Хелене. Пожалуй, даже в большей степени ей — ведь это она настояла, чтобы они переехали в его родной город.

Сейчас он знал, почему.

К северу от Стентрэска располагалась крупнейшая в Европе база для испытания оружия массового уничтожения, а Хелена Исакссон вовсе не была дочерью дипломата. Она была советской разведчицей, и ей был дан приказ от руководства получить доступ к результатам испытаний. Викинг и их двое детей, Маркус и Элин, стали заложниками, ради которых Хелена делала все, что велело ей ГРУ. После падения железного занавеса ее без всякого предупреждения забрали и увезли обратно в Москву, а потом перевели в США.

Для Викинга, как и для всех остальных, она утонула в болоте Кальмюрен.

Когда же в начале нулевых ее советский «супруг» умер, ее перевели в штаб ГРУ в Москве в звании полковника

и сделали сотрудницей Второго отдела, поручив ей сбор информации из открытых источников.

Когда ГРУ, несмотря на ее полную лояльность в течение всех этих лет, приняло решение ликвидировать ее сына Маркуса, она стала перебежчицей. Инсценировав собственную смерть, она приехала на берег Финского залива, откуда ее забрали представители шведской разведки — им она сдала всю российскую сеть. В благодарность за сотрудничество ей обеспечили давно существующую идентичность — Алисы Эрикссон из Накки в окрестностях Стокгольма. Сделав пластическую операцию, она остригла и перекрасила волосы, стала носить коричневые линзы.

В преддверии предполагаемого экономического чуда в Норрботтене Алиса переехала в Лулео. Они с Викингом «познакомились» в Тиндере — неудобная, но необходимая многоходовка. Викингу пришлось сходить на пару других свиданий, прежде чем ему разрешили встретиться с Алисой.

Что будет, если русские прознают о том, что она жива? Об этом он не хотел даже думать. Рядом с ней у него по-прежнему голова шла кругом. Открыв дверь квартиры, он снял ботинки и поставил рядом с ее обувью.

— Проголодался? Могу сварить макароны.

Она стояла в дверях кухни — лишь силуэт в потоке тусклого света, падающего из окна. Хорошей поварихой она никогда не была. Викинг подошел к ней, прижал к себе. Не исчезает, настоящая.

Он поцеловал ее легким сухим поцелуем.

— Спасибо, не надо. Потом сделаю бутерброд.

— Дай знать, если передумаешь.

Он вошел в гостиную, усталый и разбитый после событий на болоте, тяжело опустился на диван. Снял платок, который носил, защищая горло от солнечных лучей, засунул в рот жвачку с фруктовым вкусом.

Зимой, когда лечение рака шло к концу и в полной мере проявились все побочные эффекты, ему всерьез казалось, что он вот-вот умрет. В голове не укладывалось, что можно так отвратительно себя чувствовать — и оставаться в живых.

Однако он выжил.

А потом появилась она.

Он слышал, как она гремит посудой в кухне. Вынул изо рта жевательную резинку, завернул в обертку и выкинул.

— Хелена, — крикнул он. — Хорошо, я могу немного поесть.

Минуту спустя она вошла с двумя дымящимися тарелками спагетти, пахнущих маслом и соевым соусом.

— Алиса, — поправила она. — Это важно.

Викинг накрутил спагетти на вилку. Сыр и масло расталяли, смешавшись с соевым соусом, и превратились в коричневую жижу.

— У тебя бывает, что ты не помнишь, кто ты?

Она прожевала еду и проглотила.

— Сейчас уже нет, — ответила она и положила в рот очередную порцию.

— Скажи, что ты почувствовала, когда увидела Маркуса?

Она отвела взгляд на книжную полку, опустив вилку в тарелку. Долго сидела, глядя куда-то невидящим взглядом.

До того, как отправиться на праздник, они впервые побывали дома у Маркуса и Юсефин. Маркус отнесся к ней довольно равнодушно. Просто женщина, которую папа нашел в Тиндере, почему его это должно волновать? Он знал, что Викинг общался и с другими женщинами — с акушеркой из Будена и архитектором из Питео по имени Сесилия. Жена Маркуса Юсефин изо всех сил старалась быть сердечной. Дети смутились, но отнеслись к госте с интересом, показывали ей свои рисунки и игрушки.

— Очень странное чувство, — произнесла Хелена. — Ощущение нереальности. Все эти годы отчаянной тоски по маленькому ребенку — а он уже взрослый мужчина. Отец двоих детей. Добрый и заботливый. Умный, с чувством собственного достоинства.

Она подняла глаза на Викинга и осторожно улыбнулась.

— У тебя все отлично получилось.

— Ты не думаешь, что мы должны им рассказать, кто ты такая?

Она покачала головой, снова стала накручивать на вилку спагетти.

— Это слишком опасно.

— Из-за того, что твое бывшее начальство может их убить? Не слишком ли это надуманно?

Она покосилась на него, пожала плечами, словно извиняясь. Однако он не отставал.

— Как, черт подери, ты угодила во всю эту переделку?

— В переделку?

— Стала шпионкой.

— Ты доел?

Не дожидаясь ответа, она взяла его тарелку и отнесла в кухню. Звякнула посуда в посудомойке, потом раздалось мерное гудение. Вернувшись назад, Хелена села рядом с Викингом.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она, положив руку ему на плечо рядом с шеей. Кожа на горле, только что восстановившаяся после облучения, по-прежнему была тонкая, розовая и глянцевая.

Убрав ладонь Хелены, он притянул жену к себе.

— А ты? — спросил он.

Она закрыла глаза.

— Как ты думаешь, Маркусу и Элин покажется очень странным, если я приду на похороны Карин?

Он прижал ее крепче.

— Мне плевать. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.

— Думаешь, она бы меня узнала?

Викинг разжал руки.

— Скорее всего, да.

Все остальные, кто был тогда, уже умерли или разъехались. Ларс-Ивар Пеккари, напарник Густава, с которым Викинг проработал несколько лет, умер много лет назад. Керстин, владелица пансионата и начальница Хелены,

умерла через год после ее исчезновения. Другие перебрались на юг.

Оставалась еще Карина Бюрстранд, с которой Хелена более всего общалась в годы жизни в Стентрэске, — та работала администратором в полицейском участке. В последние годы Карина стала проявлять политическую активность, вступила в партию «Шведские демократы» и так преисполнилась миссии спасти истинную шведскость, что «заблудилась в собственной заднице», как говорила другая их старинная приятельница, Гитте Ландён-Труженица. Во время праздника Алиса и Карина на ходу поздоровались, но Викинг не заметил в поведении Карины ничего иного, кроме ее обычной неприязненности.

Другим фактором риска оставалась Сив Юханссон, лучшая подруга мамы Карин еще с молодости. В последнее время она с трудом передвигалась и на праздник не пришла. Викинг не мог с точностью сказать, насколько у нее ясная голова, но считал ее потенциально опасной. Ее дочь Сусанна, ныне вдова, перебралась в Стентрэск на более или менее постоянной основе. Они с Хеленой когда-то ходили вместе на аэробику, но тут Викинг ничего не опасался. Сусанна, ныне именовавшая себя журналисткой-фрилансером, никем не интересовалась, кроме самой себя.

Зато Хелену мог бы узнать Свен, брат Викинга. Он страдал синдромом ломкой X-хромосомы и жил в доме группового проживания в Видселе. Хотя он и не мог сам себя обслуживать, но был внимателен к деталям и к тому же очень любил Хелену.

Мысль о том, что кто-то ее узнает, вызывала у Викинга смешанные чувства — и радостное возбуждение, и ужас. Воскреснуть из мертвых, чтобы все об этом узнали, — в этом было нечто неудержимо привлекательное. Словно по мановению волшебной палочки на небе выпали бы звезды, жизнь превратилась бы в прогулку по радуге, все запели бы стройным хором. И тут же накатывал страх — а вдруг она растает и исчезнет? Вдруг все это ему только приснилось?

— Свен придет на похороны? — спросила восставшая из мертвых.

— Я поговорил с заведующей — она считает, что это лишнее. Для него это слишком большая нагрузка. Мы прощаемся с мамой накануне в часовне, только он и я.

Викинг вынужден был признать это решение логичным, однако испытал разочарование. Ему хотелось, чтобы Свен встретился с Алисой. Хотя такую встречу, пожалуй, стоило устроить в более уединенном месте, чем на похоронах.

Алиса поднялась с дивана и снова ушла в кухню. Викинг слышал, как она включает кран и достает что-то из кухонного шкафа. Она вернулась со стаканом воды и яблоком.

— Их я купила в «Оленсе», когда ждала Маркуса, — сказала она, поднимая стакан. — Все сохранились, кроме двух. Как тебе это удалось?

Он опустил глаза. Да, чем он занимался все это время? Просто жил.

Снова усевшись рядом с ним на диван, она поставила стакан с водой на журнальный столик, откусила яблоко и вытащила из заднего кармана телефон.

— Давай посмотрим, что там пишут по поводу находки на болоте, — сказала она, жуя яблоко. Внимательно прочла пару газетных сайтов.

— Нашли, вероятно, мою жену? — спросил Викинг.

Она кивнула.

— Да-да. «Хелена Стормберг утонула в болоте в августе 1990 года...»

— Это мужчина, — сказал Викинг. — И он не утонул. Хелена подняла на него глаза.

— Его приколотили ко дну болота. Дерево сгнило, и скелет всплыл.

— Приколотили?

— Забили кол в сердце.

— Как того мужика из Бокстена?

— Какого мужика? — переспросил Викинг.

Хелена быстро вбила что-то в маленький дисплей телефона, внимательно прочла, не переставая жевать.

— Трупы в болоте встречаются весьма часто, — сказала она, не отрывая глаз от экрана. — По всей Северной Европе в больших количествах. Их найдено несколько сотен, большинство из железного века. Человеческие жертвоприношения. Хотя тот мужик, которого нашли на болоте у Бокстена неподалеку от Варберги, — с ним все иначе. Он из Средневековья. Загнан в болото тремя кольями. Дубовый кол в сердце, два других, березовых...